

Замѣтка // Отечественныя Записки. 1861. № 6.
С. 69-72.

Въ прошедшей хроникѣ, заведя рѣчь о судебныхъ слѣдователяхъ въ литературѣ, мы выразили сожалѣніе, что въ ней нѣтъ еще ни одного мирового посредника, въ чемъ она, благодаря свистунамъ, наиболѣе нуждается въ настоящее время. Карательныхъ и преслѣдовательныхъ, то-есть судебныхъ и полицейскихъ силъ накопилось въ ней черезчуръ уже много, примирительной—ни одной. По этому поводу, между-прочимъ, мы сказали такія слова: «въ должность мирового посредника изъявилъ желаніе вступить «Свѣточъ», но, говорятъ, пока, неудачно. Гораздо-болѣе способности къ этому званію имѣетъ «Время»; но журналъ этотъ занялъ уже другую, не менѣе почетную должность—должность присяжнаго судьи, безпристрастно пзрекающаго приговора. И то хорошо. «Русскій Вѣстникъ» будетъ, стало-быть, ловить мазуриковъ, а «Время» судить ихъ. Значитъ въ литературныхъ судахъ воцарится, наконецъ, правда» и т. д.

Добрые пріатели указали намъ нѣсколько неловкихъ словъ и сопоставленій въ этой фразѣ, которыя могутъ, будто бы, оскорбить нѣкоторыхъ уважаемыхъ людей. Мы очень благодарны за это указаніе и спѣшимъ самымъ искреннимъ образомъ извиниться, если дѣйствительно въ нашихъ словахъ находится подобная неловкость. Но признаемся откровенно, мы никакъ не ожидали даже этого дружескаго указанія. Мы не хотимъ вѣрить, чтобъ насъ кто-нибудь серьезно могъ заподозрить въ умышленномъ оскорбленіи чьей-нибудь личности. Мы помнимъ хорошо, что писавши эту фразу, хотѣли выразить только извѣстное всѣмъ обѣщаніе «Русскаго Вѣстника», «помогать добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ бродягъ и ворюшекъ», Намъ казалось, впрочемъ, что ни это полицейское обѣщаніе, ни суровыя обязанности, принятія на себя журналомъ «Время», не водворять въ литературныхъ судахъ правды и что безъ мировыхъ посредниковъ намъ трудно вѣраться на чистый и свободный воздухъ изъ той удушливой атмосферы,

въ которую завели насъ свистуны. Такова была наша мысль. Можетъ-быть, она неловко выражена: второпяхъ, при срочной работѣ, не всегда удается выразиться ясно и точно. Охотно сознаемся въ этой неловкости, въ недосмотрѣ. Но насъ увѣряють... стыдно сказать... что мы можемъ быть обвинены въ зломъ умыслѣ, въ личномъ оскорбленіи, *разсчитанно* нанесенномъ нами какимъ-то личнымъ врагамъ и противникамъ нашимъ...

Тяжело намъ оправдываться въ поступкѣ, подобномъ тѣмъ, который мы сами въ той же хроникѣ,.. назвали безчестнымъ. Мы все еще увѣрены, что дружеское указаніе, намъ сдѣланное, исполнено излишняго пурризма. Не можетъ быть, чтобъ насъ могли заподозрить въ подобномъ поступкѣ. Нужно имѣть особенную наклонность къ полицейскому хищничеству, чтобъ по одному слову, быть-можетъ, дѣйствительно нестати повторенному, или по цвѣту фуражки подозрѣвать ближняго въ той или другой подлости. Что до насъ, то мы неповинны въ подобной полицейской наклонности. Какихъ цвѣтовъ фуражки ни приходилось пишущему эти строки носить на своемъ вѣку, онъ все-таки никогда не возгарался желаніемъ преслѣдовать и оскорблять чью-нибудь личность. Гдѣ онъ ни служилъ, онъ никогда не позволялъ себѣ обольщать ту силу, которой служилъ и не старался выслуживаться предъ нею на чужой счетъ — ни клеветою, ни балагурствомъ, ни какимъ инымъ *продериваньемъ* своихъ собратій и сослуживцевъ. Онъ ссылается въ этомъ на всѣ свои дѣйствія какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ.

Напрасно говорятъ намъ о какой-то личной враждѣ въ какомъ-то литературномъ кружкѣ и партіимъ. Составитель этой хроники, такъ еще недавно служилъ литературѣ и такъ мало сталкивался съ ея кружками, что не имѣлъ даже возможности пзучить ихъ на столько, чтобъ вспылать въ нимъ враждою. Да мы и не думаемъ, чтобъ какой-нибудь отдѣльный кружокъ могъ возбудить такое сильное чувство. Ненависть слишкомъ-дорого достается людямъ, чтобъ ее можно было тратить на такіе мелочи, какъ личная вражда, или на тѣя недостойныя дѣла, какъ междоусобная, площадная брань между братьями по оружію. Во всякомъ случаѣ не для этой брани явились мы подъ знамена литературнаго ополченія. Мы шли подъ эти знамена въ полномъ убѣжденіи, что у всѣхъ у нихъ одинъ врагъ — невѣжество и произволь, одна дѣль — благо родины. Мы и теперь еще не теряемъ этой увѣренности и полагаемъ, что печальная усобица, возникшая въ рядкахъ литературы, непреодолительна. Но все же — сознаемся — мы не ожидали этой усобицы, когда становились въ сою-

кнутые ряды литературы. Вотъ почему намъ было больно, среди общаго увлеченія, услышать свистъ и хохотъ въ этихъ же рядахъ, надъ этими же увлеченьемъ. Намъ показалось—и мы до-сихъ-поръ въ этомъ увѣрены—что смѣхъ, направленный въ эту сторону,—болѣзненный и недобрый смѣхъ, что онъ не только замедляетъ наше общее выздоровленіе, но еще помогаетъ болѣзненнымъ и умерщвляющимъ силамъ. Дай Богъ, чтобъ мы ошиблись, но намъ такъ кажется, и отвроенно выражая наше мнѣніе на счетъ самаго смѣха, мы ни минуты, однако, не сомнѣвались, что люди, имъ зараженные, идутъ къ одной съ нами цѣли и служатъ, по-свѣдому, одному съ нами дѣлу. Тѣмъ мѣнѣе расположены мы по одному этому смѣху судить о нравственныхъ достоинствахъ смѣющихся. Возможность Булгаринныхъ въ нашей *свѣтской* литературѣ, благодареніе Богу, миновалось (въ духовной еще остался одинъ — г. Аскоченскій); въ этомъ, вѣроятно, никто уже не сомнѣвается и, говоря по совѣсти, мы даже не понимаемъ ни тѣхъ, кому приходитъ охота нападать въ этомъ смыслѣ, ни тѣхъ кто думаетъ обижаться такими нападеніями. По этому намъ чрезвычайно странно было слышать, что у насъ есть какіе-то литературные враги. Откуда бы имъ быть?

Полагаютъ, что мы стараемъ ненавистью къ тѣмъ пѣвцамъ, для которыхъ имя наше и полковая фуражка, которую мы нѣкогда носили, служить предметомъ неисчерпаемаго вдохновенія. Но, вопервыхъ, мы очень хорошо понимаемъ все удобство, какое доставляемъ современной поэзій и нашимъ именемъ, которое такъ легко ложится подъ риму, и интереснымъ цвѣтомъ нашей бывшей фуражки. Вотъ-рыхъ, не насъ же однихъ продергивали въ стихахъ и прозѣ; люди, болѣе насъ трудившіеся для литературы, часто рядомъ съ нами брасовались въ эпиграмахъ. Намъ ли, слѣдовательно, обижаться? Къ-тому жъ, ни мы не знаемъ пѣвцовъ нашихъ, ни они не знаютъ насъ. Откуда же тутъ быть враждѣ, да еще личной? Итакъ, повторяемъ, вооружаясь противъ несвоевременнаго и неприличнаго смѣха, мы собственно имѣли въ виду не смѣющихся, не смѣхъ и шутку вообще, что было бы въ высшей степени глупо, а тотъ смѣхъ и тѣ шутки, которые выразились особымъ направленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ свистопляски. Намъ грустно было видѣть, что люди талантливые, подарившіе литературу нѣсколькими замѣчательными статьями, стали во главѣ этого тлетворнаго направленія, которое, благодаря именно ихъ таланту, породило цѣлыя сонмища подражателей, наивно возводящихъ свистопляску на степень гражданской доблести. Насъ увѣряли, что нѣкоторые журнальные кружки завели даже правильные, періодическіе

миттинги, на которыхъ общими силами обсуживаютъ и рѣшаютъ: кого бы продернуть и освистать въ слѣдующемъ номерѣ газеты или журнала? Вотъ на что тратятся молодня силы литературы, и въ такое время!... Свистъ и хохотъ, когда на глаза просятся слезы — пѣтунный бой другъ противъ друга, когда предстоитъ бой противъ не-пріятеля — можетъ быть все это очень-хитро, умно, и даже доблестно, но мы не въ силахъ возвыситься до пониманія этой доблести...

Нѣтъ, мы не питаемъ личной вражды къ нашимъ противникамъ. Питать вражду можетъ только тотъ, кто оскорбилъ кого-нибудь и только къ тому, кого оскорбилъ. Мы не знаемъ за собою ни одного личного умышеннаго оскорбленія; тѣмъ менѣе можемъ признать за собою способность оскорбить огуломъ нѣсколькихъ лицъ, кто бы они не были.

Но если мы дѣйствительно чѣмъ-нибудь подали поводъ заподозрить насъ въ такой способности, то спѣшимъ искренно сознаться въ оплошности. Пусть послужитъ это сознаніе новымъ доказательствомъ, что мы не свистуновъ ненавидимъ, а свистопляску, въ которой гнушаемся принимать участіе не только словомъ или дѣломъ, но даже помышле-ніемъ.
